

УДК 902:39«637»

Саратовский университет и Археологический институт имени Н. П. Кондакова в Праге: к истории взаимоотношений (1928–1936)

М. В. Ковалев

Ковалев Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН и Архив РАН, Москва, kovalevmv@yandex.ru

В статье на основании новых архивных документов реконструируются научные связи Семинария (Археологического института) имени Н. П. Кондакова в Праге с Саратовским университетом и его структурными подразделениями в 1928–1936 гг. Констатируется, что в межвоенный период Саратовский университет оказался втянут в культурную орбиту русской диаспоры за рубежом. Саратовские ученые были вовлечены в международные интеллектуальные контакты, которые имели различные формы и выражались в книгообмене, рецензировании и цитировании. Большое место отведено проблематике интеллектуальных трансферов, показано, что работы саратовских ученых-археологов были востребованы как в кругу коллег-эмигрантов, так и среди иностранцев. Связи, складывавшиеся поверх идеологических барьеров, были подрублены «делом Жебелева» осенью 1928 г., однако не прервались мгновенно. Динамика контактов кондаковцев с Саратовом демонстрирует метаморфозы научного климата в СССР. С одной стороны, представления о мгновенно опустившемся железном занавесе и прерывании интеллектуального обмена между Советской Россией и внешним миром преувеличены, но в то же время влияние внешних рамок на динамику международных контактов очевидно. Политические процессы в СССР больно ударили по этим связям, предельно формализовали их, пока не прервали окончательно.

Ключевые слова: Прага, Саратов, Саратовский университет, Археологический институт имени Н. П. Кондакова, научные коммуникации, история археологии, П. С. Рыков, Т. М. Минаева, Н. Феттих, М. И. Ростовцев.

Saratov University and Kondakov Institute in Prague: towards the History of Relationships (1928–1936)

M. V. Kovalev

Mikhail V. Kovalev, <https://orcid.org/0000-0002-4722-818X>, Archive of the Russian Academy of Sciences, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Prospekt, Moscow 119334, Russia, kovalevmv@yandex.ru

In this article, the scientific relations of N. P. Kondakov's Seminar (Archaeological Institute) in Prague with Saratov University and its structural subdivisions in the 1928–1936 are reconstructed on the basis of new archival documents. It is shown that in the interwar period Saratov University was drawn into the cultural orbit of the Russian Diaspora. Saratov scientists were involved in international intellectual contacts, which had different forms, and were expressed in book exchange, reviewing and quoting. A great place is given to the problems of intellectual transfers, it is shown that the work of Saratov archaeologists was in demand both among migrant colleagues and among foreigners. Communication emerging across ideological barriers has

been cut to the Zhebelev's Affair in the fall of 1928, however, not interrupted instantly. Dynamics of contacts between Saratov and Prague is a good demonstration of the metamorphosis of the scientific climate in the USSR. On the one hand, the notion of an instantaneous iron curtain and the interruption of intellectual exchange between Soviet Russia and the outside world is exaggerated. But at the same time, the impact of the external framework on the dynamics of international contacts is obvious. Political processes in the USSR hurt these relations and formalized them until they were finally interrupted.

Keywords: Prague, Saratov, Saratov University, N. P. Kondakov Archaeological Institute, science communication, history of archaeology, P. S. Rykov, T. M. Minaeva, N. Fettich, M. I. Rostovtsev

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-537-546>

В начале июля 1928 г. от имени Нижне-Волжского областного научного общества краеведения в Чехословакию было отправлено письмо, адресованное Семинарию имени Н. П. Кондакова. Побудительным мотивом обращения саратовских ученых стало желание сотрудничать с международной научной организацией, которая уже за первые 3 года своего существования сумела завоевать большой авторитет в научном мире. В письме говорилось: «Получив извещение от своего действительного члена, проф [ессора] П. Г. Любомирова, что Кондаковский Семинарий при Пражском Университете имеет свои издания с содержанием статей, весьма интересных и необходимых для членов Об [щест] ва, занимающихся историей края, Н [ижне-] Волжское Об [щест] во Краеведения просит Конд [аковский] Семинарий, не найдет ли он возможным выслать в порядке обмена издания Семинария; в свою очередь Об [щест] во может выслать Семинарию свои печатные издания “Труды” с содержанием историко-археологических статей и заметок»¹.

Это письмо открывает интересную страницу в истории взаимоотношений Семинария имени Н. П. Кондакова (в дальнейшем – Археологического института) с Саратовом и Саратовским университетом, а заодно поднимает важный, до сих пор слабо изученный вопрос о научных коммуникациях между русской эмиграцией и советской научной средой, об их месте в транснациональном интеллектуальном обмене межвоенного времени. До сих пор в историографии бытует довольно устойчивое представление, что исход за рубеж огромного числа отечественных ученых после революции и Гражданской войны отгородил их непробиваемой стеной от коллег, оставшихся в Советской России, что личные и

деловые контакты между ними молниеносно оборвались, и что любые формы научного сотрудничества пресекались советскими властями. Между тем, если обратиться к истории Саратовского университета и международных контактов его ученой корпорации, то картина взаимоотношений Советской России и зарубежной России заметно усложнится. Основанный в 1909 г. университет, несмотря на свой молодой, по европейским меркам, возраст, быстро завоевал высокую научную репутацию. Ее упрочило создание в 1917 г. историко-филологического факультета, в числе первых преподавателей которого оказались видные ученые: Н. С. Арсеньев, Ф. В. Баллод, В. М. Жирмунский, П. Г. Любомиров, М. Р. Фасмер, Г. П. Федотов, С. Л. Франк, С. Н. Чернов и др. В это время, в 1917 г. – начале 1920-х гг., контакты между Прагой и Саратовом, невзирая на суровые испытания гражданской междоусобицы и первых послевоенных лет, не выглядели удивительными. Эта связь, в частности, поддерживалась благодаря блистательному лингвисту Николаю Николаевичу Дурново (1876–1937), который был профессором Саратовского университета в 1918–1921 гг., а затем, после короткого пребывания в Москве, выехал в 1924 г. в длительную научную командировку в Чехословакию. Там он тесно соприкасался и с чехословацкой средой в статусе профессора в Брно, и с русским эмигрантским окружением². Вместе с тем не терял он связей и с Саратовом. Известны письма к нему от саратовских коллег, как, например, от профессоров Георгия Генриховича Дингеса (1891–1932) и Григория Андреевича Ильинского (1876–1937)³. В 1920-х гг. саратовская университетская библиотека получала по подписке ведущий чешский славистический журнал «Slavia», а именитый литературовед Александр Павлович Скафтымов (1890–1968) опубликовал на его страницах работу о Ф. М. Достоевском⁴.

Вернемся к процитированному в начале статьи письму. Упоминание в нем профессора Павла Григорьевича Любомирова (1885–1935) как инициатора обращения в кондаковский Семинарий явно свидетельствует о его осведомленности в положении дел в эмигрантском научном мире. С высокой долей уверенности можно предположить, что он имел прямые или косвенные связи с русской Прагой, во всяком случае, известна рецензия П. Н. Савицкого на его саратовские труды⁵. После выхода из печати евразийской книги Г. В. Вернадского «Начертание русской истории» (1927) сразу три экземпляра были посланы в Саратов – С. В. Юшкову, С. Н. Чернову и П. Г. Любомирову⁶.

В упомянутом письме содержится одна существенная ошибка – Семинарий имени Н. П. Кондакова никогда не был частью пражского Карлова университета и на всем протяжении своего существования оставался автономным учреждением, являя собой пример успешной са-

моорганизации русского научного сообщества за рубежом. Семинарий был создан весной 1925 г. учениками и последователями выдающегося историка искусства Н. П. Кондакова, незадолго до этого скончавшегося в Праге. Большинство из них посещали лекции академика в Карловом университете или занятия в его домашнем семинаре. Главой объединения стал крупный специалист в области византийской и древнерусской археологии А. П. Калитинский, бывший профессор Императорского московского археологического института. Среди других заметных участников Семинария в первые годы работы находим имена М. А. Андреевой, Н. М. Беляева, Г. В. Вернадского, Д. А. Расовского, Н. П. Толля и др.

Кондаковцы выпускали серию сборников «Seminarium Kondakovianum», в которых публиковались историки-эмигранты, ученые из СССР (до определенного момента, о котором речь пойдет далее) и иностранные специалисты. Издания рассылались по многим библиотекам, преследуя цель не только знакомство ученых разных стран с исследованиями русских эмигрантов, но и книгообмен. Свои работы в Прагу присылали как отдельные ученые (В. Н. Бенешевич, Н. Н. Глубоковский, И. Э. Грабарь, Ш. Диль, С. А. Желбелев, А. Мазон, Л. В. Мацулевич, Г. Милле, В. Ф. Минорский, А. В. Орешников, А. Протич, А. А. Спицын, Н. П. Сычев, М. К. Тенишева), так и научные организации (Государственная академия истории материальной культуры, Смоленский государственный университет, Эрмитаж, Русский музей, Оружейная палата, Керченский музей, Центральные государственные реставрационные мастерские, Азербайджанский археологический комитет, Общество друзей русской книги в Париже, Болгарский археологический институт, Высший Комиссариат Французской республики в Сирии и Ливане, Национальный музей в Будапеште и др.) Нижне-Волжское общество краеведения в своем желании обмена информацией и изданиями было не одиноко.

Письмо Нижне-Волжского областного научного общества краеведения, судя по почерку, было написано Александром Августиновичем Кротковым (1866–1945), талантливым исследователем, поборником изучения нижневолжской археологии. Его интерес к работам кондаковцев объясним. Нижне-Волжское областное научное общество краеведения, заместителем председателя которого он являлся, было создано в 1925 г. на основе Общества истории, археологии и этнографии (которое, в свою очередь, было преемником Саратовской ученой архивной комиссии) и административно было вписано в структуру Саратовского университета⁷. Общество занималось комплексным изучением региона и носило междисциплинарный характер. В 1928 г., то есть в момент отправки письма в Прагу, его председателем был геолог Борис Александрович Можаровский (1882–1948)⁸.

Примем во внимание то обстоятельство, что в 1920-е гг. Саратов, без всякого преувеличения, сделался одним из важнейших центров европейской археологической науки. За успехами саратовских археологов, особенно профессора Павла Сергеевича Рыкова (1884–1942), пристально следили такие корифеи, как Эллис Миннз (Ellis Novell Minns; 1874–1953), Туре Арне (Ture Johnsson Arne; 1879–1965), Гордон Чайльд (Vere Gordon Childe; 1892–1957), Арне Михаэль Таллгрэн (Arne Michael Tallgren; 1885–1945). Эмигрировавший из СССР академик Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952) писал последнему в феврале 1929 г.: «Видели ли Вы сарматские вещи из Рыковских раскопок на Волге? Меня они очень интересуют». Через некоторое время в другом письме он повторил свой вопрос, что свидетельствует об устойчивом интересе ученого к саратовской археологической науке: «Имеете ли Вы представление о том, опубликовал ли Рыков результаты своих раскопок сарматских погребений на Волге? Мне очень хотелось бы видеть эту публикацию»⁹.

Важной частью научной программы кондаковского Семинария было изучение межкультурных связей народов Евразии в древности. Причем, как верно заметила Е. Ю. Басаргина, особое место отводилось древностям кочевников. Во главе этого направления стоял Николай Петрович Толль (1894–1985), куратор археологической серии «Скифика»¹⁰. Тематика саратовских археологов была близка кондаковцам, поэтому июльское письмо 1928 г. нашло в Праге живую поддержку. Уже 10 июля из Чехословакии был послан первый выпуск трудов Семинария, о чем было сообщено письмом от 16 июля 1928 г.¹¹, в котором анонсировался и скорый выход второго тома вместе с обещанием непременно отправить его в Саратов. Семинарий имени Н. П. Кондакова в свою очередь выражал желание получить комплект трудов общества. В ответ на просьбу кондаковцев и в знак благодарности за присылку первого тома его трудов, 8 августа 1928 г. в Прагу был направлен комплект изданий Нижне-Волжского научного общества краеведения¹², о чем сообщалось в письме за подписью Елены Петровны Подъяпольской (1896–1985), тогда еще молодой и начинающей исследовательницы¹³. Среди посланных изданий были «Труды» Общества (Т. 34, ч. I¹⁴, II¹⁵, IV¹⁶; Т. 35, ч. I¹⁷, II¹⁸). Поскольку Нижне-Волжское общество краеведения считалось правопреемником Саратовской ученой архивной комиссии и Общества истории, археологии и этнографии, то нумерация выпусков трудов оставалась последовательной, несмотря на смену названий ученой организации). Третья часть 34-го тома (1925), вероятно, не была послана в Прагу, поскольку содержала сугубо географические работы). Вместе с ними были отправлены книга этнографа А. Н. Лозановой «Народные песни о Степане Разине»¹⁹,

библиографический справочник по истории революционного движения в Саратовском крае²⁰, программа собирания в Саратовском крае материалов по юридическому быту революционной эпохи²¹, а также сборник материалов о Н. Г. Чернышевском²². В том же письме от имени Нижне-Волжского научного общества краеведения выражалось желание получить сборник статей в честь Н. П. Кондакова²³, «Воспоминания» Н. П. Кондакова²⁴ и работу Н. Т. Беляева «Начала Руси»²⁵. Уже 16 августа саратовские издания были получены в Праге, отсюда в порядке обмена были направлены запрошенные издания, а вместе с ними книга Г. В. Вернадского, не поименованная в документах. Можно предположить, что речь шла о «Начертании русской истории», о чем косвенно свидетельствуют уже упоминавшиеся документы из личного фонда П. Н. Савицкого.

Учитывая научную направленность кондаковского Семинария, может сложиться впечатление, что присланные из Саратова издания были малоинтересны пражским коллегам. Изучение революционного движения было сферой исследований иной эмигрантской организации – Русского заграничного исторического архива. Но вот сами труды Нижне-Волжского областного научного сообщества краеведения, несомненно, заслуживали внимания, ибо историческая тематика в них была широко представлена. В сборнике, к примеру, содержался отчет об археологических работах П. С. Рыкова в Покровском и Хвалынском уездах в 1922 г., в ходе которых им были обнаружены памятники срубной и хвалынской культур²⁶, отчет о разведках, предпринятых Т. М. Минаевой и П. Д. Рау на реке Торгун в 1924 г.²⁷ Имеются в них также статьи А. А. Спицина – о саратовских стоянках медного века²⁸, Б. В. Зайковского – о древнееврейских монетах в Заволжье²⁹ и хронике нумизматических находок³⁰, А. Н. Кушевой – о Суловском могильнике³¹, А. А. Гераклитова – об упоминаниях археологических памятников в актовом материале XVII–XVIII вв.³², а также значимые работы П. Н. Шишкина³³, А. А. Кроткова³⁴ и Н. К. Арзютова³⁵ по золотоордынской археологии. Наверное, определенный интерес для русских историков в Праге могли представлять и материалы 2-й и 4-й частей 34-го тома, содержавшие статьи по социально-экономической истории Нижнего Поволжья (А. А. Гераклитов, С. Н. Чернов, П. Г. Любомиров), а вместе с ними статьи этнографического характера, в основном посвященные культурам мордвы и чувашей (Б. М. Соколов, Т. М. Акимова, П. Д. Степанов). Получив указанные издания, Семинарий имени Н. П. Кондакова запросил по возможности переслать в Прагу труды Саратовской ученой архивной комиссии, изданные до 1916 г.³⁶

Практически в то же время в июле 1928 г. свои издания в Прагу направил Нижне-Волжский институт краеведения, о чем сообщалось

в письме за подписью его директора П. С. Рыкова и заместителя ученого секретаря Е. Оболенской³⁷. Он был создан в октябре 1924 г. на основе Археологического научно-исследовательского института и так же, как и Нижне-Волжское научное общество краеведения, был вписан в структуру Саратовского университета³⁸. В Прагу были посланы первый и второй выпуски трудов института³⁹. Они были получены там в начале августа 1928 г. В ответ из чехословацкой столицы был отправлен еще один экземпляр первого тома трудов Семинария⁴⁰.

В августе 1928 г. в процесс обмена включилась университетская библиотека, о чем свидетельствует письмо от 21 августа 1928 г., в котором выражается желание получить издания Семинария⁴¹. В Прагу был послан 6-й том «Ученых записок университета», а оттуда был получен сборник памяти Н. П. Кондакова⁴². В знак благодарности библиотека выслала в конце сентября 1928 г. первые пять томов «Ученых записок» и выразила заинтересованность в получении иных изданий Семинария⁴³.

Обратим внимание на несколько обстоятельств. В процесс общения с кондаковцами в Праге включились сразу три подразделения Саратовского университета: Нижне-Волжское научное общество краеведения, Нижне-Волжский институт краеведения и научная библиотека, — причем процесс этот был практически одновременным. В таком параллелизме нет ничего удивительного, ибо каждое из них представляло себя и свою издательскую работу (за исключением, конечно, библиотеки, которая выступала от имени всего университета). Причина такой активности, причем по инициативе саратовской стороны, заключалась в том, что в университете были люди, понимавшие важность интеллектуального обмена, связанные личными и деловыми связями как с иностранными учеными, так и с коллегами, оказавшимися в эмиграции. Следует отметить, что к 1928 г. за границей проживали следующие ученые, стоявшие у истоков гуманитарного образования в Саратове: Н. С. Арсеньев, Ф. В. Баллод, В. Э. Сеземан, Г. Г. Тельберг, М. Р. Фасмер, Г. П. Федотов, С. Л. Франк. За рубежом оказались и те лица, кто в годы Гражданской войны был приглашен на работу в Саратов, но по независящим обстоятельствам не смог к ней приступить (П. М. Бицилли, К. В. Мочульский, В. А. Рязановский). Н. М. Малов обосновано утверждает, что в 1920-е гг. именно профессора-гуманитарии Саратовского университета сконцентрировали в своих руках руководство краеведческими, музейными и археологическими организациями⁴⁴. Кажется, нет сомнений в особой роли П. С. Рыкова, чей научный авторитет и известность распространились далеко за пределы Саратова. Что касается включения в научный диалог Нижне-Волжского института краеведения, то допустимо, что директору хотелось продемонстрировать

успехи возглавляемой им организации. В 1928 г. П. С. Рыков посещал с научными целями Германию, однако трудно сказать, контактировал ли он там с кем-то из эмигрантских коллег. Из писем выдающегося саратовского ученого в Прагу пока удалось обнаружить лишь одно — его ответ на послание евразийского лидера П. Н. Савицкого⁴⁵. Но даже этот частный пример свидетельствует о наличии каналов обмена информацией.

Примечательно, что сличение дат писем и посылок между Прагой и Саратовом демонстрирует невероятную быстроту работы почтовых служб в то время. Пока трудно понять и оценить практику люстрации, ведь общение велось между советскими и эмигрантскими научными учреждениями, что не могло остаться незамеченным со стороны советских властей. Наверное, поэтому уже осенью 1928 г. в переписке между Саратовом и Прагой начинает фигурировать Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). Этой организации, общественной на словах, но государственной на деле, отводилась роль контролирующего и надзирающего органа за всем международным интеллектуальным обменом. М. Дэвид-Фокс справедливо замечал, что по мере того, как советское общество становилось все более закрытым, ВОКС превратилось в главный канал и едва ли не единственный законный способ связи с внешним миром. Оно исполняло роль курьера, принимая и пересылая материалы и давая возможность выезда за рубеж представителям советской интеллигенции. Общество же брало под покровительство иностранцев, посещавших СССР. Таким образом, эта организация становилась своего рода «транснациональным патроном»⁴⁶. Так, А. А. Кротков сообщал в Прагу 24 сентября 1928 г., что именно через ВОКС в Прагу отправлены запрошенные труды Саратовской ученой архивной комиссии⁴⁷. В ноябре 1928 г. ВОКС снова стало посредником в пересылке книг⁴⁸. Примечательно, что контактам по линии ВОКС между СССР и Чехословакией активно способствовал советский полномочный представитель в Праге Александр Яковлевич Аросев (1880–1938)⁴⁹.

Привлечение ВОКС в качестве посредника в общении давало возможность придать развивавшимся контактам налет официальности и в то же время обезопасить пересылку книг. Уже с начала 1928 г. отправления из-за границы начинают подвергаться серьезному контролю. Так, еще в феврале 1928 г. живший в Праге академик В. А. Францев послал своему другу К. Я. Гроту книгу чешского профессора Я. Бидло по истории славянства, но она была возвращена обратно с припиской, что в СССР это издание находится под запретом. Причем все неиспользованные марки с пакета были отклеены⁵⁰. Впрочем, даже посредничество ВОКС не смогло помочь пражско-саратовскому диалогу. Внезапно осенью 1928 г. едва начавшиеся и уже активно развивав-

шиеся контакты прервались. В чем была причина стремительных перемен?

Есть все основания полагать, что они были связаны с «делом Жебелёва». В сентябре 1928 г. в Праге увидел свет второй том трудов Семинария имени Н. П. Кондакова. Среди его авторов был Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941), опубликовавший статью в память историка искусства Я. И. Смирнова, умершего от голода в 1918 г. в Петрограде. В ней революция была уподоблена страшному лихолетью⁵¹. В середине ноября 1928 г. начинается публичная травля ученого, которая стала прологом к «Академическому делу»⁵². Канадский историк Л. Райнлендер еще в 1970-х гг. верно заметил, что нападки на С. А. Жебелёва за его публикацию в Праге объяснялись главным образом стремлением советских властей покончить со своеволием и свободомыслием Академии наук. Травля историка была одним из звеньев этой кампании⁵³. Среди главных пунктов обвинения в адрес ученого стало его сотрудничество с коллегами-эмигрантами⁵⁴. Таким образом, власти четко давали понять, что впредь рассматривают такие контакты как нежелательные. В это же время саратовские археологи переживали непростой период. Идеологические перемены особенно больно ударили по П. Д. Рау, которого под надуманным предлогом не выпустили на конференцию в Берлин в 1929 г., а затем в результате травли фактически довели до самоубийства (15 июля 1930 г.)⁵⁵.

Однако железный занавес опускался постепенно. Контакты между эмиграцией и советскими учеными продолжались, правда, теперь они находились под строгим и неусыпным контролем. Связи между Саратовом и кондаковцами возобновились весной 1931 г. К этому времени прекратило существование Нижне-Волжское научное общество краеведения, ликвидированное в результате изменения советской научной политики⁵⁶. Теперь кондаковцы сосредоточились на контактах с Нижне-Волжским институтом краеведения.

Кондаковский семинарий в Праге также переживал перемены. На рубеже 1920–1930-х гг. его работа становилась все более дезорганизованной; интересы его членов все сильнее разнились, что нарушало изначальное единство⁵⁷. Кроме того, оставался неясным статус учреждения. С момента своего зарождения в 1925 г. Семинарий не был официально зарегистрирован. Поэтому его руководству надлежало легализовать свое учреждение и принять соответствующий устав. В результате в июле 1931 г. было зарегистрировано научное общество «Археологический институт имени Н. П. Кондакова».

Если опираться на сохранившиеся письма, то вырисовывается ситуация, когда возобновление связей после двух с половиной лет молчания произошло по инициативе пражской стороны. В конце мая 1931 г. в Саратов был отправлен вто-

рой том книжной серии «Скифика», в обмен же просили прислать 35-й том «Известий» Нижне-Волжского научного общества краеведения (ч. 1: серия археологическая и ч. 4: серия этнографическая) и следующие, если это будет возможно⁵⁸. Книга была получена в Саратове уже 7 июня⁵⁹. Следует подробно остановиться на ней. Имеется в виду работа венгерского археолога Нандора Феттиха (Nándor Fettich; 1900–1971) о бронзовом литье в кочевом искусстве⁶⁰. Он принадлежал к числу тех иностранных ученых, которые наиболее близко сотрудничали с кондаковцами, потому издание его книги именно в институтской книжной серии было вполне логично и закономерно⁶¹. Полагаем, что именно эта книга была послана в Саратов неспроста, с учетом конкретных интересов местных археологов, равно как нельзя исключать роли самого автора в ее отправке. Случай этот важен еще и потому, что по политическим причинам между Венгрией и СССР в то время не существовало официального книгообмена, научные контакты были минимальными. Н. Феттих на этом фоне – исключение, поскольку был тесно связан с отечественными учеными как по линии эмигрантской, так и по линии советской. Он дважды посещал СССР (в 1927 и 1935 гг.)⁶², правда, в Нижнем Поволжье ему побывать не удалось. Имеются свидетельства его знакомства с саратовскими археологами, пусть, вероятно, только эпистолярного. В 1926–1927 отчетном году связи с венгерским ученым установил саратовский областной музей⁶³. В библиотеке Национального музея хранится подаренный ему оттиск статьи Т. М. Минаевой 1927 г. о захоронении с трупосожжением близ Покровска⁶⁴ с авторской дарственной надписью: «Фердинанду Владиславовичу Феттиху»⁶⁵. Венгерский ученый внимательно следил за отечественной археологической литературой, а также за работами саратовских ученых, часто цитировал их. Например он ссылался на работы Т. М. Минаевой и П. С. Рыкова в контексте датировки находок из Кенезлэ (Kenézlő)⁶⁶. При этом по непонятной до конца причине он не упоминал работы П. Д. Рау⁶⁷. К слову, П. С. Рыков тоже хорошо знал работы Н. Феттиха и уважительно упоминал их в своих исследованиях (1929 г.⁶⁸, 1930 г.⁶⁹). Есть основания полагать, что не без участия Н. Феттиха состоялись перевод и публикация на венгерском языке статьи П. С. Рыкова о раскопках на Узе и Суре в ведущем венгерском археологическом журнале «Archaeologiai Értesítő»⁷⁰. Никаких документальных доказательств общения между венгерским археологом и его саратовским коллегой нет – их личные архивы не сохранились. И все же на тот момент в Венгрии просто не было никакого другого археолога, который мог бы сделать перевод в силу совпадения научной тематики, знания русской археологической литературы и одновременно русского языка. Доподлинно известно, что Н. Феттих знакомил

с трудами саратовских археологов своих венгерских коллег. Например, он указал Иштвану Пауловичу (István Paulovics; 1892–1952) на статью И. В. Сеницына в «Известиях Нижне-Волжского института краеведения»⁷¹. И. Пауловича заинтересовало приведенное в ней описание мужских бородатых масок из тонких золотых пластин на бронзовой основе из Нижнего Поволжья⁷². Он в ту пору занимался анализом позднеантичных паннонских материалов, в особенности из Дунапентеле и Сентеш-Надьхедя. Описываемые металлические пластины, блюда и металлические погребальные маски, по мысли автора, отразили в себе черты сарматского и гуннского влияния, а потому было так важно сравнить их с аналогами из Нижнего Поволжья.

Аналогичным культурным посредником в общении саратовских археологов с зарубежным, в том числе с эмигрантским (опять же через кондаковцев), научным миром был А. М. Тальгрэн. И если в случае с Н. Феттихом мы не имеем документальных подтверждений таких контактов, то переписка финского археолога с П. С. Рыковым⁷³, Т. М. Минаевой⁷⁴ и Н. К. Арзютовым сохранилась⁷⁵. Показательно, что в четвертом томе издаваемого им журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua» в 1929 г. были опубликованы статьи П. С. Рыкова⁷⁶, Т. М. Минаевой⁷⁷, П. Д. Рау⁷⁸ и одновременно – их пражских коллег, связанных с кругом кондаковцев – Н. П. Толля⁷⁹ и В. В. Саханева⁸⁰. Уже этот факт свидетельствует о том, что саратовские археологи, публикуясь под одной обложкой с пражскими историками, просто не могли не знать об их исследованиях. Примечательно и то, что они неоднократно цитировали дореволюционные работы В. В. Саханева о раскопках Борисовского могильника в 1911–1912 гг. (П. С. Рыков⁸¹, И. В. Сеницын⁸²).

В июне 1931 г. наряду с Нижне-Волжским институтом краеведения возобновляет книгообмен с Прагой и университетская библиотека. Все контакты ведутся строго по линии ВОКС. Так, в Прагу был направлен выпуск «Ученых записок» Саратовского университета (Т. 8, вып. 8), а также «Педолого-педагогический сборник»⁸³. В феврале 1932 г. библиотека получила из Праги 3-й том трудов кондаковского института⁸⁴. Затем опять наступает долгий перерыв. Лишь в конце сентября 1934 г. в чехословацкую столицу пришла почтовая карточка, извещавшая о получении в Саратове оттисков статей из 5-го и 6-го томов институтского сборника⁸⁵. Последнее свидетельство о контактах кондаковцев с Саратовом относится к весне 1936 г. Известен черновик письма, датированный 6 апреля, в котором сообщается о посылке в Саратов оттисков статей из IV–VII томов сборника и выражается желание получить труды педагогического факультета, появившиеся после выхода 2-й части XI тома в 1934 г.⁸⁶

Почему связи окончательно прервались? Ответ выглядит довольно очевидным. После убий-

ства С. М. Кирова начинается стремительное ухудшение политического климата в СССР, новый виток гонений (впрочем, никогда не прекращавшихся) на интеллигенцию. Оказала свое влияние и внешнеполитическая ситуация, связанная с приходом к власти нацистов и нарастанием военной угрозы в Европе. Положение русской эмиграции в Чехословакии также претерпевает изменения. «Русская акция», направленная на поддержку беженцев из России, свернута. Чехословакия перед лицом германской опасности начинает сближение с СССР, а потому ее официальные круги теперь часто сторонятся русской, «белой» эмиграции, дабы не навлечь гнева «советских товарищей». С трудностями столкнулся и Археологический институт имени Н. П. Кондакова. В 1937 г. о желании поддержать его заявил югославский принц Павел, предложив перевести учреждение в Белград. Это предложение раскололо кондаковцев. В середине 1937 г. группа русских историков решила на переезд на Балканы и уже стала паковать вещи. В своих действиях они руководствовались сложной международной обстановкой, боясь, что надвигающаяся неизбежная война приведет к захвату Праги немцами и потере всего, что с таким трудом создавалось на протяжении долгих лет изгнания. Коллектив института раскололся.

В середине 1930-х гг. железный занавес между советской и европейской наукой опускается все плотнее, все более разводя и разъединяя ученых. Знали ли в Праге о внутренних процессах, переживаемых советской наукой? Вне всякого сомнения. В эмиграции пристально следили за жизнью в СССР и за положением ученых. Например, М. И. Ростовцев, узнав от А. М. Тальгрена о самоубийстве П. Д. Рау, написал ему в ноябре 1930 г.: «Очень опечалило известие о Рау. Несомненно, талантливый был юноша. Такова уж судьба всех талантов в стране “уравнения”...»⁸⁷. Правда, пока не удалось обнаружить свидетельств обсуждения в эмигрантской среде ареста П. С. Рыкова в августе 1937 г. Профессор был схвачен после возвращения из очередной экспедиции, приговорен к 10 годам заключения, этапирован в дальневосточный лагерь, где и скончался 26 марта 1942 г. от крупозного воспаления легких⁸⁸. Саратовская археология оказалась разгромлена, виднейшие ее представители были репрессированы (Н. К. Арзютов, Н. Н. Дмитриев, В. А. Сушицкий). В сентябре 1939 г. Нижне-Волжский институт краеведения прекратил свое существование⁸⁹. К концу 1930-х гг. у кондаковских изданий в Саратове, даже несмотря на сохранение в университете кафедры археологии и этнографии, практически не оставалось потенциальных читателей.

В свете изложенных событий неизбежно возникает вопрос о практических последствиях книгообмена, о востребованности получаемых изданий и в Саратове, и в Праге. Ответить на

него крайне сложно. И все же некоторые подтверждения интеллектуальных трансферов имеются. Так, Д. А. Расовский в 1937 г. ссылался на исследования П. С. Рыкова⁹⁰ в своей статье о половцах⁹¹, упоминая о раскопках саратовского археолога близ Покровска: «Течение Волги от низовьев Камы до древнего города Укека (около нын [ешнего] Саратова) было в руках Болгарского каганата. Укек, находившийся на правом берегу Волги и известный своим расцветом в XIV в., существовал, вероятно, еще и до Татар и был крайним южным городом Болгар. Ниже его начиналось половецкое поле: на левом берегу Волги, у г. Покровска археологические раскопки обнаруживают кочевнические стоянки, относимые к Половцам; на правом берегу Волги, по течению р. Латрыка (приток Карамыша, впадающий в Медведицу), искони жили: кочевнические погребения скифо-сарматской поры находились здесь около с. Большой Дмитровки»⁹².

Было бы неверно думать, что цитирование работ эмигрантов в советской науке было строго-настрого запрещено, хотя, разумеется, нельзя говорить о полной свободе. Так, и Т. М. Минаева, и П. С. Рыков указывали на исследования М. И. Ростовцева, особенно на его «Скифию и Боспор»⁹³. И. В. Сеницын в статье 1936 г. цитировал другую важную книгу этого выдающегося историка⁹⁴ – «Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль»⁹⁵. Упомянута она не случайно, ибо была издана в Праге в 1929 г. в кондаковской серии «Скифика», той самой серии, в которой выходила и присланная в Саратов книга Н. Феттиха. Описывая найденные близ Покровска в 1929 г. скобы-крюки от ножен меча, И. В. Сеницын полемизирует с М. И. Ростовцевым относительно назначения подобных пластинок (ранее тот изучал аналогичную пластину-скобу от меча из Керченской гробницы). Саратовский ученый указывает, что описанные П. Д. Рау находки в позднее-сарматском погребении Альт-Вемарского кургана определенно указывают на их иное назначение, нежели полагал М. И. Ростовцев. Таким образом, мы видим здесь пример живой научной полемики, но отнюдь не безудержного обличения «буржуазного историка», который не прав в своих построениях уже только потому, что эмигрировал из Советской России. Пока не удалось установить, где И. В. Сеницын мог познакомиться с работой М. И. Ростовцева и могла ли она быть прислана в Саратов из Праги.

В связи с этим возникает еще один важный вопрос – о судьбе кондаковских изданий, которые присылались в Саратов. В университетской библиотеке удалось выявить лишь некоторые из них. Среди таковых – оттиски статей А. М. Тальгрена (Инвентарный номер – 239004)⁹⁶ и Д. А. Расовского (Оттиск статьи без автографа и иных пометок, переплетен вместе с третьим томом *Seminarium Kondakovianum*. Инвентарный номер – 63524; имеется штамп библиотеки Саратовского универ-

ситета, а также вклейка с инвентарным номером в левом верхнем углу: «ОТД. 1. СОЧИНЕНИЯ ГЛАВН. БИБЛИОТЕКИ. № 63524»⁹⁷, третий том сборника «*Seminarium Kondakovianum*» (Инвентарный номер – 136066а. Имеется штамп библиотеки Саратовского университета: «Инв. № 63524. 136066а. Отд 1. Ф. БИБЛИОТЕКА Саратовского Гос. Ун-та.»)⁹⁸. Согласно документам судьба других изданий, полученных в Саратове, в том числе уникального сборника в память Н. П. Кондакова, равно как и книги Н. Феттиха, неизвестна. До конца не ясно, могли ли они быть безвозвратно изъяты из фондов после ареста П. С. Рыкова и гонений на его коллег. Нельзя исключать и иных причин: потерь, списаний, хищений. Так, в каталоге отдела редких книг саратовской университетской библиотеки значится пражское издание мемуаров Н. П. Кондакова. Однако многократные попытки автора этих строк увидеть редкую книгу, начиная еще со времен учебы в университете в 2001 г., неизменно заканчивались отказом: «Книги нет на месте».

Подводя итоги, следует еще раз отметить, что в 1920–1930-е гг. Саратовский университет, не будучи столичным, не был исключен из интернационального научного обмена и занимал важное место на интеллектуальной карте, как минимум, Европы. Работы его ученых были востребованы, за ними следили, их желали получать крупные научные центры, к каковым, вне всякого сомнения, относился Археологический институт имени Н. П. Кондакова в Праге. Саратовский университет оказался втянут в культурную орбиту русской диаспоры. Но эти связи, складывавшиеся поверх идеологических барьеров, были подрублены «делом Жебелева». Динамика контактов кондаковцев с Саратовом демонстрирует метаморфозы научного климата в СССР. С одной стороны, представления о мгновенно опустившемся железном занавесе и прерывании интеллектуального обмена между Советской Россией и внешним миром преувеличены. Но в то же время влияние внешних рамок на динамику международных контактов очевидно. Политические процессы в СССР больно ударяли по этим связям, предельно формализовали их, пока не превали окончательно.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру» в Венгрии (проект № 18-59-23005 «Российско-венгерские научные коммуникации в зеркале международных археологических контактов XX в.»). Автор благодарит Николая Михайловича Малова за ценные комментарии и советы при обсуждении данной работы.

Примечания

¹ Письмо из Нижне-Волжского областного научного общества краеведения от 3 июля 1928 г., № 727 // Oddělení

- dokumentace Ústavu dějin umění AV ČR (далее – ODÚDU AV ČR). Fond Archeologický institut N.P. Kondakova (далее – AINPK). 1925–1952. KI–18. № 22. Nižně-volžskoje oblastnoje naučnoje občestvo krajeveděniija.
- 2 См.: *Фичи Ф.* Архив Н. Н. Дурново в Праге (материалы по истории славистики 1924–1927 годов) // Славяноведение. 2005. № 4. С. 96–109.
- 3 Slovanská knihovna v Praze. Trezor (далее – SK). Durnovo, Nikolaj Nikolajevič. T–A 0830. 3742–3743 (Dinges G.G.) ; T–A 0846. 3798–3812 (P’jinskij, Grigorij Andrejevič).
- 4 См.: *Скафтымов А. П.* «Записки из подполья» среди публицистики Достоевского // Slavica. 1929. Т. VIII. № 1. С. 101–117 ; № 2. С. 312–339.
- 5 См.: Рецензия П. Н. Савицкого на книгу проф. П. Г. Любомирова «Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XIX века» // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5783. Оп. 1. Д. 123. Л. 1–3.
- 6 См.: Кому послать «Начертание» Г. В. Вернадского // SK. P.N. Savickij. T–SAV. Krab. III. Č. 60. Vernadskij G.V.
- 7 См.: *Малов Н. М.* Советская государственная музейная сеть в Саратове (1917–1930 гг.) : организационное становление, страницы истории и музейные деятели // Народы Саратовского Поволжья : этнология, этнография, духовная культура : Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Саратов : Триумф, 2006. С. 208–209.
- 8 См.: *Иванов А. В., Надеждина А. С.* Борис Александрович Можаровский : личность, научная школа, наследие. Саратов : Изд-во СГТУ, 2014. С. 16.
- 9 Скифский роман / под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М. : РОССПЭН, 1997. С. 513, 515.
- 10 См.: *Басаргина Е. Ю.* Археологический институт им. Н. П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum). По материалам архивов Праги // Мир русской византистики : материалы архивов Санкт-Петербурга / под ред. И. П. Медведева. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. С. 778.
- 11 См.: Копия письма в Нижне-Волжское научное общество краеведения от 16 июля 1928 г. // ODÚDU AV ČR. Fond AINPK. KI–18. № 22. Nižně-volžskoje oblastnoje naučnoje občestvo krajeveděniija.
- 12 См.: Письмо из Нижне-Волжского областного научного общества краеведения от 8 августа 1928 г. № 767 // ODÚDU AV ČR. Fond AINPK. KI–18. № 22. Nižně-volžskoje oblastnoje naučnoje občestvo krajeveděniija.
- 13 См.: *Стеценко Ю. В.* Историк Е. П. Подъяпольская и ее опыт изучения краеведения в 1920-е гг. // Миллеровские чтения – 2018. Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия. СПб. : Реноме, 2018. С. 644–649.
- 14 См.: Труды Общества истории, археологии и этнографии. 1923. Т. 34, ч. 1.
- 15 Там же. Ч. 2.
- 16 Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. 1926. Т. 34, ч. 4.
- 17 Там же. Т. 35, ч. 1.
- 18 Там же. Т. 35, ч. 2.
- 19 См.: *Лозанова А. Н.* Народные песни о Степане Разине (составитель, вступительная статья, комментарии). Саратов : Нижне-Волжское областное научное общество краеведения, 1928.
- 20 См.: Материалы для указателя по революционному движению в Саратовском крае. 1861–1921 / сост. С. Д. Соколов и В. А. Сушицкий. Саратов : Сарсовпартиздат, 1928.
- 21 См.: Программа собирания в Саратовском крае материалов по юридическому быту революционной эпохи / сост. В. М. Чернов. Саратов : Нижне-Волжское областное научное общество краеведения, 1928.
- 22 См.: Николай Гаврилович Чернышевский. 1828–1928. Неизданные тексты, материалы и статьи / под ред. С. З. Каценбогена. Саратов : Тип. № 2 Сарполиграфпрома, 1928.
- 23 См.: Сборник статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова. Прага : Seminarium Kondakovianum, 1926.
- 24 См.: *Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы. Прага : Seminarium Kondakovianum, 1927.
- 25 См.: *Беляев Н. Т.* Начала Руси. Лондон ; Прага : Легиография, 1925.
- 26 См.: *Рыков П. С.* Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губернии в 1922 г. // Труды Общества истории, археологии и этнографии. 1923. Т. 34, ч. 1. С. 3–19.
- 27 См.: *Минаева Т. М., Рау П. Д.* Отчет об археологических разведках по р. Торгуну в 1924 году // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. 1926. Т. 35, ч. 1. С. 5–21.
- 28 См.: *Спицын А. А.* Саратовские стоянки медного века // Труды Общества истории, археологии и этнографии. 1923. Т. 34, ч. 1. С. 32–38.
- 29 См.: *Зайковский Б. В.* Древне-еврейские монеты в заволжской степи // Труды Общества истории, археологии и этнографии. 1923. Т. 34, ч. 1. С. 20–21.
- 30 См.: *Зайковский Б. В.* Из монетной летописи Нижне-Волжского края // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. 1926. Т. 35, ч. 1. С. 41–49.
- 31 См.: *Кушева А. Н.* Материалы для изучения культуры Суловского могильника // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. 1926. Т. 35, ч. 1. С. 23–40.
- 32 См.: *Герасимов А. А.* Археологические памятники Саратовского края, упоминаемые в архивных документах XVII–XVIII вв. // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. 1926. Т. 35, ч. 1. С. 85–86.
- 33 См.: *Шишкин П. Н.* Курганы на общественном выгоне г. Покровска // Труды Общества истории, археологии и этнографии. 1923. Т. 34. Ч. 1. С. 22–26.
- 34 См.: *Кротков А. А.* В поисках Мохши // Там же. С. 27–31.
- 35 См.: *Арзютов Н. К.* Памятники Золотоордынской эпохи в Нижнем Поволжье по данным раскопок и разведок в 1924 г. // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. 1926. Т. 35. Ч. 1. С. 67–78.
- 36 См.: Черновик письма в Нижне-Волжское научное общество краеведения от 16 августа 1928 г. // ODÚDU AV ČR. Fond AINPK. KI–18. № 22. Nižně-volžskoje oblastnoje naučnoje občestvo krajeveděniija.

- ³⁷ См.: Письмо из Краеведческого института изучения Нижне-Волжской области при Саратовском государственном университете от 25 июля 1928 г. // Ibid. № 17. *Krajevedčeskij institute izučenija južno-volžskoj oblasti*.
- ³⁸ См.: *Малов Н. М.* Археология в Саратовском университете и Нижне-Волжском институте краеведения на переломе эпох (1920–1930-е годы) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 404.
- ³⁹ См.: Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете. 1926. Т. 1; 1927. Т. 2.
- ⁴⁰ См.: Копия письма в Краеведческий институт от 6 августа 1928 г., № 854 // ODÚDU AV ČR. Fond AINPK. № 17. *Krajevedčeskij institute izučenija južno-volžskoj oblasti*.
- ⁴¹ См.: Письмо из Фундаментальной библиотеки Саратовского государственного университета от 21 августа 1928 г. № 693 // Ibid. № 30. *Saratovskij universitët*.
- ⁴² См.: Копия письма из Семинария от 28 августа 1928 г. // Ibid.
- ⁴³ См.: Письмо из Фундаментальной библиотеки Саратовского государственного университета от 24 сентября 1928 г. № 896 // Ibid.
- ⁴⁴ См.: *Малов Н. М.* Советская государственная музейная сеть в Саратове. С. 232–234.
- ⁴⁵ См.: Письмо П. С. Рыкова к П. Н. Савицкому, 20 декабря 1929 г. // ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 418. Л. 263–265 об.
- ⁴⁶ См.: *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента : культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921–1941 годы. М. : Новое литературное обозрение, 2015. С. 166–167.
- ⁴⁷ См.: Письмо из Нижне-Волжского областного научного общества краеведения от 24 сентября 1928 г. № 1121 // ODÚDU AV ČR. Fond AINPK. KI–18. № 22. *Nižně-volžskoje oblastnoje naučnoje obščestvo krajeveděniija*.
- ⁴⁸ См.: Письмо в Семинарий из ВОКС от 15 ноября 1928 г. // Ibid.
- ⁴⁹ См.: *Дэвид-Фокс М.* Указ. соч. С. 143–148.
- ⁵⁰ Zpráva. 15. února 1928 // Archiv Kanceláře Prezidenta republiky. D 13718/38.
- ⁵¹ См.: *Жебелев С. А.* Яков Иванович Смирнов // *Seminarium Kondakovianum* : сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н. П. Кондакова. Прага, 1928. Т. II. С. 1–18.
- ⁵² См. подробнее: *Тункина И. В.* «Дело» академика Жебелева // Древний мир и мы : Классическое наследие в Европе и России : альманах. Вып. II. СПб. : Алетейя, 2000. С. 116–161.
- ⁵³ *Rhineland L. H.* Exiled Russian Scholars in Prague The Kondakov Seminar and Institut // *Canadian Slavonic Papers*. 1974. Vol. XVI. № 3. P. 338–339.
- ⁵⁴ См.: *Лунтол И. К.* Об отношении советских ученых к ученым эмиграции // Научный работник. 1928. № 12. С. 13–22.
- ⁵⁵ См.: *Максимов Е. К.* Из жизни и деятельности П. Д. Рау // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей : материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П. Д. Рау (1897–1997). Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1997. С. 6–7.
- ⁵⁶ См.: *Малов Н. М.* Археология в Саратовском университете и Нижне-Волжском институте краеведения на переломе эпох (1920–1930-е годы). С. 404.
- ⁵⁷ *Rhineland L. H.* Op. cit. P. 341.
- ⁵⁸ См.: Копия письма в Нижне-Волжское областное научное общество краеведения (на машинописной копии, напечатанной по-французски, нет даты. Но в верхнем правом углу красным карандашом приписано : «С обрат[ной] карточкой. 29.V.31») // ODÚDU AV ČR. Fond AINPK. KI–18. № 22. *Nižně-volžskoje oblastnoje naučnoje obščestvo krajeveděniija*.
- ⁵⁹ См.: Почтовая карточка от 7 июня 1931 г. // Ibid.
- ⁶⁰ *Fettich N.* Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler mit einem Anhang von L. Bartucz über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn. Praha, 1929.
- ⁶¹ См.: *Ковалев М. В.* Венгерские историки и русская академическая эмиграция : к постановке проблемы // Историческая русистика в XXI веке. Будапешт : Russica Pannonicana, 2017. С. 308–315.
- ⁶² *Seres A.* Magyar «régészeti delegátus» Moszkvában a két világháború között. Levéltári források Fettich Nándor 1935. évi szovjet kutatóútjának tanulmányozásához 1935–1937 // *Limes*. 2012. T. XXV. 37.–63. old.
- ⁶³ См.: *Малов Н. М.* Советская государственная музейная сеть в Саратове. С. 253.
- ⁶⁴ См.: *Минаева Т. М.* Погребения с сожжением близ гор. Покровска // Учен. записки Саратов. ун-та. 1927. Т. VI, вып. III. С. 91–135.
- ⁶⁵ *Фодор И.* К вопросу о погребальном обряде гуннов в Восточной и Центральной Европе // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом : движение культур, технологий и империй» / отв. ред. Н. Н. Крадин, А. Г. Ситдииков. Владивосток : Дальнаука, 2017. С. 269.
- ⁶⁶ *Fettich N.* Adatok a honfoglaláskor archaeológiájához // *Archaeologiai Értesítő*. 1931. XLV. Kötet. 105. old.
- ⁶⁷ *Фодор И.* Указ. соч. С. 269.
- ⁶⁸ См.: *Рыков П. С.* Поздне-сарматское погребения в кургане близ с. Зиновьевки Саратовской губернии. Саратов : Нижневолжское областное научное общество краеведения, 1929. С. 4.
- ⁶⁹ См.: *Рыков П. С.* Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов : Нижне-Волжский институт краеведения имени А. М. Горького, 1930. С. 22.
- ⁷⁰ *Rykov P. S.* Aknasír a Sinowjewka (Petrovi terület, Saratow-i kormányzóság) falu melletti dombban // *Archaeologiai Értesítő*. 1928. XLII. Kötet. 225.–228. old.
- ⁷¹ См.: *Синицын И. В.* Поздне-сарматские погребения Нижнего Поволжья // Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения имени М. Горького. Т. 7. Саратов, 1936. С. 71–85.
- ⁷² *Paulovics I.* Későrómai és koránépvándorláskori ládikaveterek // *Archaeologiai Értesítő*. 1940. III. Folyam. I. Kötet. 1–2. Füzet. 71. old.

- ⁷³ Kansalliskirjasto Käsikirjoituskokoelma. Coll. 230. Tallgren, Aarne Mikael. № 230.9. P. S. Rykov.
- ⁷⁴ Ibid. № 230.7. T. M. Minayeva
- ⁷⁵ Ibid. № 230.1. N. Arzyutov.
- ⁷⁶ Rykov P. S. Archäologische Beobachtungen im Tale der Velikaja // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1929. Vol. IV. P. 284–289.
- ⁷⁷ Minajeva T. M. Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Šipovo // Ibid. P. 194–209.
- ⁷⁸ Rau P. D. Neue Funde aus Hockergräbern des Wolgadeutschen Gebiets // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1929. Vol. IV. P. 41–57.
- ⁷⁹ Toll N. P. Bronzedolche der samlung Zichy // Ibid. P. 183–188
- ⁸⁰ Sakhanev V. V. Études sur l'origine de l'art populaire russe // Ibid. P. 312–320.
- ⁸¹ Rykov P. S. Op. cit. 225.–228. old.
- ⁸² См.: Синицын И. В. Указ. соч. С. 50.
- ⁸³ См.: Копия письма из Семинария в ВОКС от 12 июня 1931 г. // ODÚDU AV ČR. Fond AINPK. KI–18. № 30. Saratovskij universitět.
- ⁸⁴ См.: Почтовая карточка от 24 февраля 1932 г. // Ibid.
- ⁸⁵ См.: Почтовая карточка от 21 сентября 1934 г. // Ibid.
- ⁸⁶ См.: Черновик письма из Кондаковского института от 6 апреля 1936 г. // Ibid.
- ⁸⁷ Скифский роман. С. 317.
- ⁸⁸ См.: Малов Н. М., Павлова Л. С. Профессор Павел Сергеевич Рыков – первый декан исторического факультета Саратовского университета (к 125-летию со дня рождения) // История и историческая память. Саратов, 2010. Вып. 1. С. 158–160.
- ⁸⁹ См.: Малов Н. М. Археология в Саратовском университете и Нижне-Волжском институте краеведения на переломе эпох (1920–1930-е годы). С. 405.
- ⁹⁰ См.: Рыков П. С. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губернии в 1922 г. // Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете. 1923. Вып. 34, ч. 1.
- ⁹¹ См.: Расовский Д. А. Половцы. III. Пределы «поля Половецкого» // Анналы Института имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum). Прага, 1937. Т. IX. С. 71–85.
- ⁹² Там же. С. 76–77.
- ⁹³ См.: Минаева Т. М. Указ. соч. С. 116–117.
- ⁹⁴ См.: Синицын И. В. Указ. соч. С. 74–75.
- ⁹⁵ См.: Ростовцев М. И. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага : Seminarium Kondakovianum, 1929. С. 15–19.
- ⁹⁶ См.: Tallgren A. M. Zur Westsibirishchen Gruppe der «Schamanistischen Figuren» // Seminarium Kondakovianum : Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н. П. Кондакова. Прага, 1931. Т. IV. С. 39–47.
- ⁹⁷ См.: Расовский Д. А. О роли черных клубуков в истории древней Руси // Seminarium Kondakovianum : сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1927. Т. I. С. 93–109.
- ⁹⁸ См.: Seminarium Kondakovianum : сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III.

Образец для цитирования:

Ковалев М. В. Саратовский университет и Археологический институт имени Н. П. Кондакова в Праге: к истории взаимоотношений (1928–1936) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 537–546. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-537-546>

Cite this article as:

Kovalev M. V. Saratov University and Kondakov Institute in Prague: towards the History of Relationships (1928–1936). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 537–546 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-537-546>